

Отто Рюле

**Основные вопросы
организации**

Оглавление

Партия	3
Централизм	4
Профсоюзы	6
Советы	8

Партия и профсоюз — это организации классово сознательного пролетариата, сохранившиеся с дореволюционной эпохи. В них рабочие вели классовую борьбу против капиталистической системы буржуазного общества. При этом партии отводилась роль представительства политических интересов с далеко идущими целями, а профсоюзы боролись за ближайшие, насущные экономические интересы. Это разделение функций соответствовало условиям классовой борьбы, которые определялись характером и общественной структурой дореволюционной эпохи.

Нынешнее поколение рабочих, ведущее классовую борьбу, выросло в обеих этих организациях — партии и профсоюзе. Оно видело и все еще видит в принадлежности к своим организациям первый долг сознательного пролетария, свидетельство своей политической зрелости и выражение своей воли к борьбе. Политическая и профсоюзная организация считалась и все еще считается им чем-то само собой разумеющимся, серьезным и почти что священным; любая попытка отвлечь их от их организаций воспринимается этими рабочими как враждебное, реакционное дело, направленное против интересов рабочего класса. Выросшие в этой традиции при этом не задумываются над тем, что все на свете хорошо и правильно в свое время. Когда же это время проходит, хорошее становится дурным, а правильное — ложным; разум превращается в бессмыслицу, благодеяние — в муку.

Революция, эпоха коренных изменений, не оставляющих камня на камне от этого общественного здания, не проходит бесследно и для организации пролетариата. Она свергает старое, чтобы из-под руин пробудить новую жизнь. Пришло время задаться вопросом: какие обстоятельства и условия придавали такое значение партии и профсоюзы в дореволюционное время? Сохраняются ли эти предпосылки теперь, могут ли партия и профсоюз соответствовать сегодняшним опыту и потребностям? Или же новые условия и более высокие цели классовой борьбы побуждают к поиску более соответствующих времени, рациональных и эффективных организационных форм? Если да — какой вид организаций становится теперь организацией революции, революционной и социалистической эры?

Партия

Партия имеет буржуазное происхождение. Она является классической организацией для представительства интересов буржуазии. Ее возникновение восходит к временам, когда класс буржуазии шел к власти. Она появилась в связи с парламентом. Парламент, в свою очередь, связан с организацией буржуазного государства, он служит одной из важнейших и самых характерных форм принятия решений и действия в нем. Таким образом, буржуазно-капиталистическое классовое государство, парламент и партия взаимосвязаны

и взаимопереплетены; одно предполагает другое и каждое функционирует только в связи с другими.

Если в феодальном государстве законодательство находилось в руках самодержавного монарха, который объявлял свою абсолютистскую волю в декретах или указах, то в буржуазном государстве (самой развитой формой которого является республика) оно переходит к парламенту, собранию выборных представителей народа, то есть преимущественно имущих слоев народа. Наконец, парламент составлял правительство, по крайней мере, верхи бюрократического управленческого аппарата государства.

Для приобретения влияния на законодательство и управление различные группы интересов буржуазного класса объединялись для целей предвыборной агитации, погони за голосами и т.д. в предвыборные объединения. Из них выросли партии с более четким программным характером и прочной организацией. Буржуазные партии для представительства и отстаивания буржуазных интересов в буржуазном парламенте.

По мере того, как пролетариат развивался в класс и учился ощущать себя как особый класс со своими собственными интересами, он переставал следовать за буржуазными группами, самостоятельно шел на парламентские выборы и соединялся с этой целью в пролетарские избирательные союзы (Всеобщий немецкий рабочий союз, Объединение немецких рабочих союзов, демократические и социал-демократические рабочие союзы), а позднее в партии (эйзенахскую Социал-демократическую рабочую партию, Социалистическую рабочую партию Германии, Социал-демократическую партию Германии).

Партия как форма политической организации происходит, таким образом, из буржуазной эпохи, она родилась из сущности буржуазного государства, определяется парламентаризмом и ориентируется на буржуазные методы ведения политики, то есть через парламентскую деятельность. Даже если ее члены рекрутируются из пролетариата, она не может отрицать свой характер в организационно-техническом устройстве и в политико-тактической роли или уклониться от него. Она остается соединением сил для борьбы в соответствии с потребностями и нуждами буржуазной политики, формированием и оружием для борьбы за интересы на основе буржуазной политики, инструментом, который функционален и эффективен только используя методы буржуазной политики.

Партия, имея буржуазное происхождение, имеет и буржуазную сущность. Организационной характеристикой буржуазной сущности служит централизм.

Централизм

Централизм — это организационный принцип, в соответствии с которым вся деятельность организации, ее руководство и цель исходят из единого центра и сходятся к нему. Он находит свое применение всегда там, где немногие

стремятся господствовать над многими. В буржуазном государстве, организованном господстве меньшинства (буржуазии) над большинством (пролетариатом) централизм находит свое классическое выражение и применение. Бюрократия, налоговая система, судебная система, школьная система и прежде всего милитаризм построены строго централистски.

Партия также воплощает принцип централизма. Она похожа на ступенчатую пирамиду. Внизу — масса членов, которые должны платить и повиноваться, от ступени к ступени сужается круг все более высокопоставленных вождей, со все большим жалованием, все большими полномочиями и правами повелевать. На верхушке (в центре), наконец, несколько человек или даже один человек обладают высшим авторитетом и окончательными решающими правами. Вся инициатива, все предложения, все влияние, все полномочия принимать решения сконцентрированы у вождей: в их руках управленческий аппарат, списки выступающих, мандаты, пресса, касса. Массу ведут, опекают, держат в зависимости и покорности с помощью военной жестокости или хитрой лести; она составляет электоральный скот на выборах; ее высшая добродетель — это мертвящее повиновение, партийная дисциплина.

Централизм обладает тем преимуществом, что он концентрирует наличные силы, соединяет их, связывает в целое и тем самым способствует большей эффективности с точки зрения единства. Но у него есть недостаток: он убивает инициативу отдельных частей, сковывает волю членов, связывает по рукам и ногам развитие индивидуальных сил и тем самым препятствует развитию индивида в самостоятельную личность, его самосознанию и самодеятельности. Это организационная система для господ над рабами.

Противоположность централизму — федерализм, предоставляющий отдельному человеку большее право на самоопределение и самую широкую свободу действий — преимущество, которому, правда, противостоит недостаток: недостаточная связность сил в осознанное и эффективное целое. Благодаря своей централистской структуре, партия в дореволюционный период творила большие дела. Она представляла собой искусно сконструированный механизм, сравнимый с современной машиной, в которой достаточно нажать на кнопку, чтобы с командного центра привести в действие систему из тысяч рычагов и колес для совершения полезных действий. У нее только одна ошибка: она отказывает как раз в тот момент, когда она нужнее всего. А когда она нужнее всего? Во время революции. Тут-то из Центра, образующего генеральный штаб, должны исходить лозунги, предложения, советы, приказания. Вожди нажимают на кнопку. . . Но проводка не работает. Потому что революция начинается с больших экономических битв, со стачек, волнений, актов саботажа, всевозможных помех. Железные дороги останавливаются, почта не работает, телеграфная и телефонная связь замирает, курьерская служба не действует. Лозунги и приказания из Центра не распространяются по стране. Руководство отрезано от масс, которые, воспитанные централистской системой в несамом-

стоятельности, беспомощно не знают, что делать. Единства в ведении борьбы не возникает. Результат: беспомощность, смятение, поражение.

Централистский партийный аппарат может функционировать только в условиях, когда функционирует централистский государственный аппарат. Так бывает в мирные, дореволюционные времена. . . Вот почему в это время партия была соответствующим инструментом, который мог беспрепятственно работать и добиваться успехов. С приходом революции это становится иначе. Партия отказывает. Она бросает борющиеся массы на произвол судьбы. Поскольку руководство нарушено, машина стоит. Но отказывают и сами вожди. Будучи профессиональными вождями на прочных постах, с регулируемым рабочим временем и окладом, куда большим, чем заработная плата рабочего, они уже не являются пролетариями; они — чиновники с лучшими условиями жизни. Мелкобуржуазные чиновники с мелкобуржуазными жизненными привычками, а вскоре и мелкобуржуазным образом мыслей. Как таковые, они боятся беспорядка и неудобств, волнений и неуверенности — революции. Централизм воспитал их администраторами, не борцами. Они чувствуют себя уютно за столами с зеленым сукном и папками, но не на предприятии, не на фабриках. Они умеют говорить, считать, рассчитывать, вести переговоры, заполнять статистические анкеты и жонглировать параграфами; но они ничего не понимают в тактике революции.

Чиновники, а не пролетарии, они отказывают во время пролетарской революции, с которой их внутренне ничто не связывает (. . .)

Профсоюзы

Как и партии, профсоюзы возникли в буржуазную эру. Они родились из потребностей, вызванных кризисом 1860-х годов. Однако в отличие от партий рабочего класса, они никогда не объявляли себя революционными. С самого начала они заявляли о своем политическом нейтралитете и ограничивались в своей деятельности тем, что добивались лучших условий оплаты труда, жизни и работы для рабочего класса в рамках капиталистической системы. Это, без какого-либо прикрытия и экивоков, — реформистско-оппортунистическая программа.

Отказу от великих целей соответствовал и отказ от больших боев. Они никогда не помышляли о том, чтобы противопоставить капиталу сплоченный фронт пролетариата. Возникнув в эпоху мелкой экономической борьбы с лишь слабо объединенными в картели предпринимателями, они, как профессиональные организации, довольствовались достижением материальных преимуществ для отдельных профессий. Они плодили конкуренцию между профессиями и способствовали ей. Они отделяли работающих от безработных, обученных от неквалифицированных, молодых рабочих от старых, мужчин от женщин. Так они разрывали пролетарский фронт, вводили расслоение класса

и парализовали, таким образом, классовую борьбу. Этой тенденции способствовало распространение системы социальной поддержки, снимавшей бремя с государства и предпринимателей и отравлявшей дух рабочих воспитанием погони за мелочными, эгоистическими интересами.

Все более могущественные, соединенные в тресты и синдикаты предприниматели загоняли их в глухую оборону, и они впали в откровенный либеральный реформизм, всячески избегали больших стачек, поскольку те вольно или невольно должны были принять политический характер, и удовлетворялись торгом вокруг ставок зарплаты, колдоговоров и т.д. Их борьба за зарплату стала самоцелью, а не методом достижения социализма. Таким устройством профсоюзов объясняется их ужас перед массовой стачкой и единой массовой организацией. Всеобщая стачка с самого начала высмеивалась как всеобщая бессмыслица; а когда революция потребовала всеобщей стачки как первого сознательного и могущественного восстания пролетариата как класса, вся профсоюзная бюрократия возопила: всеобщая стачка — это всеобщее преступление!

Эта профсоюзная бюрократия — продукт централистско-бюрократической формы организации. Все, что было сказано о партийных вождах, в еще большей степени относится к профсоюзным чиновникам. Они представляют собой настоящих бонз, типичных унтер-офицеров рабочей армии. Кровью и плотью срастаясь со своими союзами, завися в своем существовании от их существования, они могут рассматривать социальный вопрос не иначе, как через очки их узких союзных интересов. В конфликте между классовой борьбой и профсоюзной кассой, общим благом и своей миской они всегда решают в пользу второго (. . .) Во время войны эти профсоюзные чиновники были злейшими сторонниками войны до конца и аннексий; позволяя рекламировать себя, они своими жалобами в военное ведомство отправляли в окопы и под вражеские пули любого представителя оппозиции. Они помогли создать позорный закон о вспомогательной службе и до последней минуты пытались предотвратить наступление Ноябрьской революции. Вскоре после этого они заключили соглашение с предпринимателями — второй гражданский мир в интересах денежного мешка — и участвовали в революционных боях как злейшие и самые подлые преследователи борющихся рабочих. С помощью позорного предательства они помогли утопить в рабочей крови борьбу в Рурской области, а когда затем белый террор бросил тысячи пролетариев в тюрьмы и на каторгу, профсоюзные чиновники участвовали в трибуналах, выносящих эти кровавые приговоры. Для профсоюзов и их бюрократии, которые уже в нормальные времена были помехой и опасностью на пути развития, сегодня может быть только одно: истребление, слом, уничтожение. Долой всякие церемонии с ними в момент, когда именно они делают возможным дальнейшее существование капитализма в этой стране и его хозяев из Антанты тем, что они — с помощью профсоюзов — могут вдвойне и втройне выжимать соки

из трудового народа! Разве не профсоюзы повсюду выступили за сдельщину? Разве не они дружно одобрили практику многосменки, сверхурочных и т.д. и даже способствовали ей? Не они были всегда и везде самыми покорными лакеями предпринимателей? В случае с законом о производственных советах? В примирительных комиссиях? В отношении безработных? Есть ли вообще хоть одно мошенничество, хоть одна подлость, совершенные капиталистами против рабочих, к которым бы не приложили руку профсоюзы?

Революционизация этих прогнивших и опустившихся образований невозможна. Невозможно преобразовать их в инструменты классовой борьбы. Даже их реформирование — это иллюзия. Она потребовала бы бесконечно долгого времени, заставило бы упустить революционную ситуацию и в лучшем случае поставила бы на место бюрократов из СДПГ бюрократов из Независимой СДПГ или компартии, то есть дьявола на место черта. Реформировать или революционизировать изнутри означает желание сохранить и обновить то, что должно быть уничтожено. Уничтожено с корнем. Никакие сантименты не помогут! Никакие указания на большое число членов в профсоюзах! Все это вздор! Несмотря на большое количество членов, профсоюзы не в состоянии провести ни одну забастовку, потому что они боятся развала организации и банкротства профсоюзных касс. Они не могут отразить ни одной атаки предпринимателей на права и интересы рабочих. Зачем же они вообще нужны?

Революционный рабочий больше никак не заинтересован в сохранении этого института обеспечения бонз, этого стражника интересов капитала. Этой организации систематического предательства рабочих. Он заинтересован только в их быстрой и основательной ликвидации! (. . .)

Советы

Авторитарно-централистские организации, партии и профсоюзы в случае завоевания государственной власти неминуемо приводят к бюрократизму. И как может быть иначе! Чтобы удержаться у власти, партия должна немедленно расставить на все посты верных людей. Верных в ее смысле — то есть революционных в ее отношении людей она изымает из своих рядов. Так партийные бонзы становятся правительственными бонзами, а государственная власть в действительности — спроецированной на все и вся партийной властью. Верность партийным убеждениям — это первая предпосылка господства. Поскольку партийные владыки отныне владеют полицией, армией, исполнительной властью, общественным мнением, судами, застенками и — не в последнюю очередь! — станком для печатания денег и устанавливают диктатуру, то возникает диктатура партии, направленная не только против буржуазии и контрреволюционных слоев пролетариата, но и против революционных слоев пролетариата, если они революционны как-то по-иному, нежели в официально разрешенном, снабженным чиновничьим штампом партийном

смысле. Простой демагогический обманый трюк, обрушивающийся на любое отклоняющееся от партийных норм убеждение как «контрреволюционное», создает для этого этико-политическое оправдание. Так например, в России тысячи самых пламенных и преданных революционеров сидят в застенках только потому, что они не революционны в большевистском смысле, то есть с точки зрения случайно правящей партии. И любой послеоктябрьский большевик, чья единственная революционная заслуга состоит в том, что он сумел умно воспользоваться политической конъюнктурой и, не отягощенный действительно революционным духом, смог пробиться к государственной кормушке, может под аплодисменты своей партии и своего правительства оплевывать этих передовых борцов революции как «контрреволюционеров». В России подтвердилось на практике то, что теоретически само собой разумеется: что централистская партия — какое бы честное желание ее ни окрыляло — никогда не сможет создать Советы. Она тонет в бюрократизме. Она существует в нем и через него. В России бюрократия комиссариатов. Именно она правит. Там нет системы Советов. Образованные в ходе открытых выборов, по партийным спискам и в условиях неслыханного правительственного террора «Советы» — это не Советы в революционном смысле слова. Это фасад. Это политический обман. Обман всего мира. Вся власть в России принадлежит бюрократии — смертельному врагу системы Советов. Смертельному врагу, поскольку то, что наполовину — всегда враг целого.

С помощью бюрократии централизма можно построить, организовать и поддерживать буржуазно-либеральное государство. Можно и развивать капиталистическое хозяйство (немногие господствуют над многими и эксплуатируют их). Но пролетарское самоуправление и социалистическое хозяйство требуют системы Советов (все производят для удовлетворения потребностей и все участвуют в управлении). Партия мешает России придти к системе Советов. Но без Советов невозможно социалистическое строительство, невозможен коммунизм. Диктатура партии — это господство бюрократов, деспотия комиссаров, это государственный капитализм, самая худшая эксплуатация и рабство. Диктатура царизма была господством одного класса над другими классами. Диктатура большевиков есть господство 5% одного класса над всеми остальными классами и 95% своего собственного класса. Нет большего врага диктатуры класса, чем диктатура партии. Это означает: нет большей помехи социализму, большего затруднения для революции, большего врага для системы Советов, чем партия. Преодоление партии — это самая элементарная предпосылка революции, системы Советов, социализма.

Советы возникают на предприятиях. Они содержат только пролетарский элемент. Как органы, пользующиеся доверием всех творческих сил, они формируются в ходе тайных выборов. Никакая партия, пользующаяся привилегиями государственной власти, не может иметь в них преимуществ. Их члены, их состав всегда, в любой момент могут быть отозваны. Так в них проявляет-

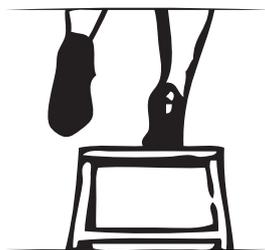
ся воля действующих масс. Разделение на вождей и ведомых, правителей и управляемых, умных и ослов исчезает. Как все работают, так все и выражают свою волю; все сами управляют собой. «Буржуазная форма организации нацелена на индивидуальное, она находит свой расцвет в культе героев, масса для нее — материал, из которого лепят “избранные”. Пролетарская организация возвращает индивидуум в общность, в социальность. Личность, пусть даже самая великая, не балуется, не возносится на недостижимые высоты, она расширяется во все стороны в совместном, она пронизывает массы исходящим от нее жаром и растет вместе с массой». Так писал когда-то доктор Шрёдер, когда он еще не был бонзой Коммунистической рабочей партии и не «симпатизировал» российскому рублю. Сегодня он разрабатывает централистские «генеральные линии» и грезит о партийной диктатуре. Пропаганда Советов КРПГ была пустой, демагогической болтовней, поскольку КРПГ была партией, а партия нацелена на бюрократию. Точно также лозунг КПП «Выбирайте политические рабочие Советы!» — демагогическая увертка, за которой скрывается ни что иное, как попытка спасти шатающуюся в партийном кораблекрушении власть бонз с помощью спасательной лодки мнимых Советов, с тем, чтобы благодать бонзократии еще долго сохранялась над пролетариатом.

Советы могут быть подготовлены только организациями, которые имеют свои корни на предприятиях, без остатка преодолевают партийный характер и стряхнули с себя всякую зависимость от партий, по возможности воплощая в своем построении систему Советов.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Отто Рюле

Основные вопросы организации

1921

(Die Aktion, Berlin, 1921, #37/38)

Сохранено 26 января 2012г. из revsoc.org